

МАРК АГАТОВ

КУРОРТНЫЕ

РОМАНЫ

в

КРЫМУ

Марк Агатов

**Курортные романы
в Крыму. Реальные
истории «запретной любви»**

«Издательские решения»

Агатов М.

Курортные романы в Крыму. Реальные истории «запретной любви»
/ М. Агатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969632-8

Это был красивый курортный роман на берегу Черного моря. После него остались не только письма и воспоминания, но и книга о любви, в которой главная героиня, изменив мужу, так и не решилась вернуться в знойное лето к мужчине своей мечты.

ISBN 978-5-44-969632-8

© Агатов М.
© Издательские решения

Содержание

Марк Агатов	6
Курортные романы в Крыму	7
Реальные истории «запретной любви». Книга для женщин	7
Запретная любовь. Классический треугольник	8
Кодирование	9
Погром в хирургии	18
«Королева Красоты» из психбольницы	22
Жестокая расплата за запретную любовь	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Курортные романы в Крыму Реальные истории «запретной любви»

Марк Агатов

Дизайнер обложки Марк Агатов

Фотограф Марк Агатов

Редактор М. Ильин

© Марк Агатов, 2019

© Марк Агатов, дизайн обложки, 2019

© Марк Агатов, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4496-9632-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Марк Агатов

Курортные романы в Крыму

Реальные истории «запретной любви». Книга для женщин

«Я хочу всегда быть с тобой, пусть не рядом, а на расстоянии, но чтобы ты знал, что у тебя есть я, чтобы ты ждал моих писем и встреч со мной. Гарик, хороший мой! Как бы я хотела, чтобы это счастье длилось вечно!».

Это был красивый курортный роман на берегу Черного моря. После него остались не только письма и воспоминания, но и книга о любви, в которой главная героиня, изменив мужу, так и не решилась вернуться в знойное лето к мужчине своей мечты

Запретная любовь. Классический треугольник

Кодирование

Гарик опоздал на работу минут на пятнадцать. У входа в диспансер его встретила медсестра из регистратуры Елена Ивановна Кравчук. Ей было за пятьдесят, невысокая, полная, с кривыми ногами и плоским лицом.

– Лариса тебя убьет. Она уже пять раз звонила. Машина полчаса стоит. Тебя ждут, ваше святейшество.

– А что за паника? Свет перевернулся? – парировал Гарик.

– Ты к Ларисе беги, она тебе сама все скажет, только халат надень и шапочку. Она уже на всех наорала за эти шапочки и косынки, – предупредила медсестра.

– Я что, в хирургии работаю, чтобы в шапочке ходить? Да и нет у меня ее. Дома забыл.

– Эта отмазка не пройдет. Халат и шапочку ты должен в раздевалке оставлять, а не таскать с собой. Она тут такой разгон устроила за халатов.

Гарик не спеша надел халат и пошел к выходу из диспансера.

– Гарик, стой! У тебя другой халат есть? – остановила его Кравчук

– Зачем мне два халата?

– Этот короткий. Халат должен прикрывать колени, а у тебя куртка, а не халат.

– Зато в нем бегать хорошо и летом не жарко, – недовольно бросил Гарик, направляясь в административный корпус.

Гарику было восемнадцать. Среднего роста, быстрый в движениях, типичный южанин с черными выющимися волосами. Он нравился девчонкам, но серьезных отношений завести еще ни с кем не успел. Пробовали зацепить его внимание незамужние медсестры в больнице, но он никак не реагировал на эти предложения. Дамы в возрасте его не интересовали.

– Явился, не запылелся, – увидев санитаря, возмутилась Лариса Ивановна Иванова, главврач психбольницы.

Начальником она была строгим и жестким и больше всего боялась хаоса и разболтанности. На вид ей было около сорока. Длинные черные волосы, стройная фигура гимнастки, правильные черты лица и огромные глаза делали ее весьма привлекательной. В молодости она танцевала цыганские и испанские танцы. Но красоту Ларисы Ивановны не замечал восемнадцатилетний санитар, для которого она была всего лишь старухой-начальницей.

– Ты когда на работу должен приходить? – начала традиционную проработку подчиненного Лариса Ивановна.

– В три, – буркнул под нос Гарик.

– А сейчас три часа 27 минут. Это как понимать!? Машина полчаса стоит без дела, профессора ждет.

– Я зачет сдавал по хирургии.

– И что, сдал?

– Нет, – не поднимая глаз, тихо произнес Гарик.

– Теперь это что, твоя постоянная отмазка? Ты уже пятый раз опаздываешь на работу из-за зачета. А другого придумать ничего не мог?

– Я говорил хирургу, что мне на работу надо, а он меня на закуску оставил, последним.

– Хорошо, тут изверг хирург виноват, принимаю! А халат у тебя почему на десять сантиметров выше колен? Это тоже хирург, или у вас мода такая? Наклонился, и все, что скрыто, наружу вывалил.

– А что мне прятать, я в брюках хожу. Это медсестры колени должны прикрывать и все остальное, – возразил санитар.

– Завтра увижу в этом халате – уволю!

– Ну, я пошел?!

– Куда пошел?! Тебя машина уже полчаса ждет. К социально опасным поедешь, проверять.

– Пусть сестры ходят. Это их работа.

– С врачом поедешь. Побеседовать нужно с каждым больным. У нас помощник прокурора новый. Представление на горздрав написал, что мы не контролируем социально опасных больных, и один из них совершил убийство.

– Из-за Вареника шум подняли. Так я говорил участковому психиатру, что брать его надо. Я его в трамвае видел. Он в колготках женских ехал.

– Чего ж ты не взял его сам. Мог бы пригласить больного в диспансер к доктору на беседу.

– У меня цветы в руках были. На день рождение девчонкам в группу вез, а они денег стоят.

– Вот из-за твоей жадности человек погиб. Варенников соседку убил, Марию Павловну.

– Там соседка дура, она дразнила Вареника, психом обзывала. Я предупреждал, что Вареник ее убьет, а она не слушала умного человека. Вот и пострадала баба дурная.

– Так вот, из-за этой дурной бабы и твоей жадности пострадали мы все. Прокурор проверил амбулаторные карты социально опасных больных, а там ни одной врачебной записи за последние три месяца. Поедешь с врачом и за два дня осмотрите всех.

– 48 больных за два дня, на каждого по сорок минут. Это только на одном участке, а у меня зачет по хирургии, когда я готовиться буду. Пусть врачи сами едут. Зачем я им там?

– Ты хочешь, чтоб у меня еще и врача убили на вызове? – Лариса Ивановна подняла трубку и, набрав короткий номер, вызвала участкового врача.

Через несколько минут в кабинет балетной походкой вошла стройная красивая молодая женщина, натуральная блондинка в белоснежном нейлоновом халате. От нее пахло дорогими французскими духами.

«Белая и пушистая», – пронеслось в голове у Гарика. Он, не отрывая глаз, смотрел на ее высокую грудь и осиную талию.

– Алиса Викторовна, я вас одну к таким больным посылать не могу, но раз вы изъявили желание, возьмите с собой санитар и будьте с ним построже, а то совсем разболтался, на работу опаздывает, халат в куртку превратил. Нужно подробно описать состояние каждого больного, чтобы нас потом не склоняли на каждом углу.

– Хорошо. Сделаю, – голос у врача был мягкий, бархатный и обволакивающий.

– Алиса Викторовна, на секунду останьтесь.

– Меня в машине найдете, – поднялся со стула санитар.

Гарик вернулся в диспансер, в процедурном кабинете взял длинное вафельное полотенце и направился к машине. По дороге его перехватила Кравчук.

– Фифу видел?

– Кого?

– Врачиху новую. Второй день на работе – уже порядки свои наводит. Курить персоналу у входа в диспансер запретила. Дурной пример больным подаем. Теперь по телефону в рабочее время вести можно только служебные разговоры. А куда вы едете?

– Социально опасных проведать.

– Она сама напросилась. Сегодня на планерке Лариса предписание прокурора зачитала, и разгон участковым сестрам устроила за то, что врачи социально опасных больных месяцами не видят. А эта фифа сама и напросилась. Она познакомиться с больными возжелала.

– У меня зачет по хирургии, когда я готовиться буду. Там в списке только по первому участку 48 человек.

– А всего – двести. Из них 162, отсидевшие за убийство и изнасилования, – продолжила Кравчук. – До конца жизни будешь ездить.

– Ладно, я пошел, а то сейчас искать начнут.

Когда Гарик подошел к медицинскому РАФику, Анфиса Викторовна уже сидела рядом с водителем.

– И где вы прохлаждались? – недовольно спросила она.

– В диспансер ходил за инструментом.

– Зачем вам полотенце на поясе?

– Руки вытирать после рукопожатий с больными.

– Гарик, хочу вас предупредить, я противник любого насилия в отношении больных. Любого больного можно уговорить посетить диспансер. Подчеркиваю, любого.

– Вы где специализацию по психиатрии проходили после окончания мединститута? – перебил врача санитар.

– В Краснолиманске.

– Я понял, что не в Ялте. В каком отделении?

– В отделении неврозов. Еще вопросы есть?

– Есть. Вы замужем?

– Для Вас это имеет значение?

– Конечно, с незамужней женщиной можно поговорить о жизни и склонить к созданию образцовой советской семьи.

– Со мной вы будете говорить только о работе! – повысила голос Алиса. – Теперь, слушайте инструктаж. Сейчас мы едем к Луговому Петру Ефимовичу. Я войду к нему в квартиру первой, а вы постойте за дверью. Я буду говорить с ним одна.

Водитель завел мотор, и медицинский автомобиль стал набирать скорость.

– У меня нескромный вопрос созрел, Алиса Викторовна, а о чем вы будите говорить с Луговым? Дело в том, что Петя Петушок отсидел за убийство и изнасилование восьми женщин. Двадцать лет назад его «опустили» в Симферопольском СИЗО.

– Я знаю об этом. Его три месяца назад выписали из отделения для психохроников. А недавно соседи написали жалобу в горздрав.

– Получается, вы в курсе всего. А вы не боитесь пополнить список любимых женщин Лугового? Такая красивая, и туда же.

– Я доложу Ларисе Ивановне, что вы меня оскорбляли в присутствии водителя.

– Если вы это считаете оскорблением, тогда извините, погорячился, – улыбнулся Гарик. – У меня от одного вашего вида слова изо рта не те выскакивают. Такая красивая, и рядом со мной.

– Я старше тебя на шесть лет. Я врач, а ты всего лишь санитар, поэтому думай перед тем, как открыть рот в моем присутствии! – неожиданно взорвалась Алиса Викторовна. – Вот, когда ты окончишь институт, получишь диплом врача, пройдешь специализацию, вот тогда мы будем говорить с тобой на равных. А пока ты никто и зовут тебя никак! И на таких женщин, как я, можешь даже не смотреть.

– Не надо так нервничать, доктор, – пошел на попятную Гарик. – Я просто хотел предупредить вас, что Лугового очень сильно возбуждают женщины модельного типа. А на блондинку к ужину он может среагировать весьма неадекватно.

– Обойдусь без твоих предупреждений!

Водитель затормозил у старинного двухэтажного дома. Алиса Викторовна, схватив карточку больного и молоточек невропатолога, первой выскочила из машины.

– Зверь-баба! – покачал головой водитель. – Ты лучше не заводишься с ней. Житья не даст, но красивая, спасу нет. Повезло кому-то, ее по шерсти надо гладить и никогда не спорить.

– Ладно, я пошел, знаток хренов, – открыл дверь автомашины Гарик. – Машину загони во двор. Клиента тащить далеко придется.

– Ты что, забирать его будешь?

– А что с ним делать. Он соседку преследует. Полюбить хочет, красивую.

Первой в квартиру к убийце вошла Алиса Викторовна. Большая светлая комната была завалена всяким хламом. Сам хозяин возлежал на кровати в атласном женском халате. Увидев врача, он спустил ноги вниз и неожиданно заговорил стихами.

– Женщина, ваше величество, о, неужели ко мне.

О, ваш приход, как пожарище, душно и трудно дышать.

Так проходите, пожалуйста, что на пороге стоять.

– Я ваш новый доктор. Пришла познакомиться, лекарство выписать, – тихо произнесла Алиса. – На что жалуетесь?

– Лекарство, это хорошо, а новый доктор лучше. Вы ближе подойдите, а то я слышу плохо, – прошептал Луговой.

Алиса остановилась в метре от больного. Она была уверена, что своим видом очаровала убийцу. В этот момент открылась дверь, и на пороге появился санитар. Реакция больного была моментальной. Он выхватил из груды тряпок топор и поднял его над головой. Еще секунда, и страшное оружие могло обрушиться на доктора. Времени на размышления у Гарика не было, путь к больному преграждала врач, и тогда санитар в два прыжка подскочил к доктору, схватил ее левой рукой за волосы и со всей силы швырнул женщину под стол. Алиса Викторовна ничего подобного не ожидала от санитаря, и больно ударившись носом о ножку стола, заплакала.

Больной тут же попытался ударить топором санитаря, но промахнулся. Гарик, не теряя времени даром, пальцами правой руки со всей силы ткнул Луговому в глаза, после чего, набросив ему на шею полотенце, стал душить больного. Двухметровый детина рухнул на пол вместе с санитаром. Луговой отбивался до тех пор, пока у него изо рта не пошла кровавая пена и начались судороги. Санитар на минуту ослабил удавку, Луговой с шумом всосал внутрь спертый воздух и широко открыл глаза. Прямо перед ним в двадцати сантиметрах в окровавленном нейлоновом халате лежала красавица врач, которую он хотел приласкать топором. Кровь вытекала из ее разбитого носа тонкой струей. Женщина плакала и с ужасом смотрела на перекосенное злобой лицо убийцы.

– Доктор, сеанс метания топоров закончен, вы можете встать и привести себя в порядок, – улыбаясь, проговорил санитар.

Женщина с большим трудом выбралась из-под стола. Ее белоснежный халат был залит кровью, по лицу текли слезы и кровь.

– Вы платочком зажмите свой прекрасный носик, а то мы тут утонем в вашей крови, – продолжал давать советы из-под стола Гарик.

С большим трудом санитару удалось вытащить на середину комнаты брыкающегося больного.

– Вам помочь? – тихо спросила Алиса. – Может, водителя позвать?

– У нас водитель из интеллигентов, белая кость. Его дело баранку крутить. Он сюда не пойдет.

– Почему?

– Потому что у каждого своя работа. Вы мужика возбудили, я – успокоил, а Костя сейчас во сне гуляет по Стамбулу. Идите в машину и не плачьте. А мы с вашим несостоявшимся любовником еще пообнимаемся в прихожей, – пробормотал санитар, в очередной раз, затягивая удавку.

До машины санитар тащил больного минут двадцать.

– Сто килограммов весит, не меньше, – сообщил он шоферу. – Другой бы уже успокоился, а этот гад так и норовит в морду заехать своей тупой башкой. Доктора изувечил.

В приемном покое больному сделали уколы, выкупали его и переодели в больничную пижаму, после чего отвели в изолятор.

Минут через сорок санитар спустился в диспансер, вошел в кабинет врача-психиатра. К тому времени Алиса Викторовна сменила халат, умылась, приняла валерьянку, подкрасила губки и успокоилась. Увидев Гарика, она стала благодарить его за то, что он спас ей жизнь. Санитар долго смотрел на шикарную блондинку, потом подошел к ней вплотную, обнял за плечи, и поцеловал так как это делают герои-любовники в американском кино. Первую минуту женщина пыталась вырваться из его цепких рук, а потом сама обняла его и прижалась к Гарику, ответив на поцелуй.

– Теперь ты поняла, кто в доме хозяин, – прошептал в самое ухо врачу санитар.

Гарик чувствовал себя победителем, но задерживаться в кабинете не стал. Он вышел, не попрощавшись, так же быстро, как и вошел в ее кабинет. Алиса ошеломленно смотрела ему вслед. Только сейчас она поняла, что произошло. Ее била дрожь. Она не могла успокоиться. Восемнадцатилетний мальчишка оказался не только сильнее ее. Своим поцелуем он неожиданно пробудил в ней уже давно забытые чувства, от которых кружилась голова в далекой юности. В школе был у нее мальчик, такой же, как Гарик, черный и кучерявый. Звали его Слава. Он сочинял стихи про Алису, играл в футбол и учился на тройки. Алиса его любила. Но их любовь была обречена. Родители Алисы, узнав, что ее ухажер провалил экзамены в институт, тут же поставили на нем крест.

– Неучам в нашей семье нет места, – говорил ей отец. – Зять мой должен, как минимум, защитить кандидатскую.

Отец у Алисы был заслуженный врач республики, поэтому она и поступила в медицинский институт. Как говорят, пошла по стопам.

Муж Алисы Владимир Ковалев, тридцатилетний инженер, появился у ворот больницы за полчаса до окончания рабочего дня. На нем был строгий черный костюм, галстук и югославские очки. Он ходил вокруг диспансера и нервно курил, но зайти внутрь так и не рискнул. А еще он внимательно присматривался к каждому выходящему из ворот мужчине.

Наконец, появилась Алиса, уставшая и нервная. Подойдя к мужу, она улыбнулась и взяла его за руку.

– Ты чего так рано? – спросила Алиса. – И что это за сигареты, мы же договаривались, что ты бросаешь курить.

– Я все знаю, мне позвонили, – быстро заговорил Ковалев. – Увольняйся немедленно. Эта работа не для тебя, я умоляю. Женщины не могут работать с сумасшедшими. Эта работа для мужиков.

– В этой больнице из ста сотрудников – один мужчина, – устало отмахнулась Алиса.

– И этот мужчина – санитар. Студент, пацан! – закричал Владимир.

– Ему восемнадцать лет, а что случилось?

– Ничего не случилось. Ты поехала с этим мальчиком осматривать убийцу, он на тебя напал, и этот мальчик тебе спас жизнь, – задыхаясь, продолжил инженер.

– Дальше, – помрачнев, приказала Алиса. Она хорошо знала мужа и чувствовала, что его взволновал не сам факт нападения на нее больного, а что-то другое.

– А дальше, дальше ты целовалась с ним. И это произошло на второй день твоей работы в больнице. Ты только второй день на работе и уже позволила себе целоваться с каким-то санитаром, – истерично закричал Владимир.

– Кто тебе об этом сказал? – пристально посмотрела на мужа Алиса.

– Женщина. Она позвонила мне на работу и рассказала, что на тебя с топором напал убийца-насильник, а потом ты целовалась с санитаром. Я убью его! – нервно закричал Владимир.

– Кого? Убийцу?

– Нет. Санитара!

– Не по Сеньке шапка. Он вооруженного топором двухметрового громилу скрутил голыми руками, а тут ты, интеллигент в пятом поколении, профессорский сынок, – осадил мужа Алиса. – Ты думай, о чем говоришь. Что меня может связывать с санитаром? Мой папа за тебя голосовал, потому что ты из хорошей интеллигентной семьи, сын профессора, кандидат наук. И ты думаешь, что я брошу тебя ради какого-то санитаря, который по пять раз зачеты по хирургии пересдает. «Острый живот» в училище сдать не может.

– Ты тоже «острый живот» на шестой раз сдала, – напомнил Владимир.

– Я уже забыла, а ты помнишь. Да, я шесть раз пересдавала этот зачет, зато теперь симптомы «острого живота» от зубов отлетают. Ночью разбуди, перечислю все до единого.

– А последний раз тебя срезали за то, что ты хотела до осмотра хирурга наркотик вколоть больному, чтоб не мучился, – успокаиваясь, напомнил Владимир.

– Его тоже на обезболивающем подловили сегодня.

– Кого подловили?

– Гарика, – вдруг вспомнила Алиса.

– Ты опять думаешь о санитаре?

– А о ком думать, если этот Гарик мне сегодня жизнь спас, а ты все время о нем говоришь. Мы же с тобой договаривались, что ты меня не будешь больше ревновать. Или уже забыл, что у тебя красавица жена, мимо которой ни один мужик спокойно пройти не может. Если ты хотел спокойной жизни, то выбирать нужно было какую-нибудь заучку из политеха. А ты выбрал победительницу конкурса красоты мединститута, 90—60—90. А теперь, все. Шутки закон-

чили. Еще раз заговоришь о своей ревности – выгоню на мороз. Если я захочу уйти от тебя, то об этом первым узнаешь ты.

Погром в хирургии

На часах было 14—30, когда Лариса Ивановна вызвала на беседу Алису.

– Я о вчерашнем ЧП хочу поговорить с вами. У вас желание не пропало по особо опасным больным ездить? У меня в три часа машина будет. Или мне другого доктора назначить?

– Зачем. Это больные с моего участка.

– Значит, поедете сегодня с Гариком по адресам.

– Мне уже пять раз из хирургии звонили. У них там алкогольный психоз, – сообщила Алиса Викторовна.

– У всех хирургов сразу? – рассмеялась Лариса Ивановна.

– Там больной палату разгромил полностью, стекла побил, капельницу.

– Алиса, у меня эти иждивенцы уже вот где сидят, – провела по горлу Лариса Ивановна. – Там шесть здоровых мужиков-хирургов. У них такие же дипломы, как у меня. И эти мужики больного не могут зафиксировать и доставить к нам по «скорой»? А у меня одни бабы. Кого я туда пошлю? Может быть, вас?

– Я поеду.

– И что вы будете с ним делать? Стекла выбьете из рук, свяжете его? Это работа для санитара. Врачам там делать нечего. Но санитар у нас работает на полставки и на работу приходит после занятий в училище не раньше трех. Вот в этом-то и главная проблема. А теперь, о вчерашнем ЧП. Если я сказала построже быть с санитаром, это не значит, что вы должны лезть к больному сломя голову. А если б Гарик не успел, замешкался, испугался... У больного в руках топор был, а не детская игрушка.

– Я хотела показать ему, кто тут врач и кто санитар.

– И что, установили дистанцию?

– Нет.

– Ну, тогда скажите мне, Алиса, хоть как он целуется? Вам понравилось?

– Я не буду обсуждать с вами эту тему.

– Обсуждать мы эту тему с вами не будем, но я вас должна предупредить, свои личные проблемы решайте за пределами больницы. Мне еще скандалов с вашим мужем тут не хватало. Мне доложили, что он грозил побить санитару, – повысила голос главврач.

– У меня муж ревнивый, не обращайтесь внимания.

– При ревнивом муже нельзя целоваться с кем попало.

– Я не целовалась. Он сам. Он мне этим поцелуем хотел показать, кто в доме хозяин.

– И что, показал?

– Нет. Я его поставлю на место. Вот увидите.

– Только мужа не втягивайте в эти разборки. Гарик сильнее его. Он настоящий мужик, хоть и молодой, а муж ваш типичный ботаник, – усмехнулась главврач. – И еще один совет, на настоящих мужчин, способных на все, женщины начинают засматриваться в сорок лет. Вам – двадцать четыре. В вашем случае роль мамочки при инфантильном муже-ботанике более привлекательна, чем роль ненасытной дамы, умирающей от страсти в руках испанского мачо.

– Ваш Гарик меня еще не знает. Я заставлю его подчиняться, – повысила голос Алиса.

– Похвально стремление, только палку не перегните во время общения с кучерявым. Он всегда добивается поставленной цели.

– У меня есть еще один вопрос, – решила сменить тему разговора Алиса. – Вы разрешаете использовать при задержании больных полотенце и удушающие захваты. Профессора на кафедре говорили, что это запрещенные приемы.

– Никто ничего не разрешает, но в уголовном кодексе есть статья о крайней необходимости. Если больной представляет реальную опасность для окружающих, то против него могут применять различные приемы рукопашного боя, в том числе и удушающие захваты. Если б Гарик не придушил Петю Петушка, то мы бы сегодня собирали деньги на ваши похороны. В той ситуации он мог и убить больного, и его б оправдали. Вооруженное нападение на врача. После такого больные долго не живут.

– Вы хотите сказать, что Лугового могут убить в больнице?

– Я сказала то, что хотела сказать! – повысила голос главврач.

В этот момент бесшумно открылась дверь, и на пороге появился Гарик.

– А тебя стучать не учили, герой-любовник? – недовольно спросила Лариса Ивановна.

– В регистратуре сказали, что у вас совещание без меня не могут начать. Вот я и без стука, как опоздавший, – расплылся в улыбке санитар. – Но если я не вовремя, могу и уйти. Я не гордый.

– Садись, рыцарь без страха и упрека. Поговорить хотим с тобой. Ты зачем на доктора напал в кабинете. Она замужняя женщина, врач, а ты к ней с поцелуями.

– Лариса Ивановна, клевета, не было такого, чтобы я по своей воле прикоснулся своими руками к Алисе Викторовне. Да она и не в моем вкусе. Мне нравятся толстые, маленькие и с кривыми ногами, пятидесятилетние бабки, такие, как наш регистратор.

– Цирк уехал, клоун остался. Я с тобой о серьезных вещах говорю. В Америке тебя бы в тюрьму уже посадили за физическое оскорбление женщины.

– Так мы ж не в Америке, – расплылся в улыбке Гарик. – А женщины любят сильных и наглых.

– Кто тебе такую чушь сказал. Женщины умных любят, опрятных и красивых. Ты почему халат не сменил? Ходишь, как подстреленный воробей. Халат должен прикрывать колени.

– Нет у меня другого. Что вы с этим халатом пристаёте? Они мне врачебные с пуговицами дают. Я однажды надел такой. И что, на первом же вызове четыре пуговицы с мясом. А пуговицы эти большой дефицит.

В этот момент зазвонил телефон.

– Это из хирургии звонят. Мы не знаем, что с вашим больным делать. Он в палате переломал все что мог.

– Успокойтесь. Вышлю сейчас врача к вам. Шесть мужиков с одним алкоголиком справиться не могут, – главврач, положив телефонную трубку, повернулась к Алисе. – Посетите вначале хирургию, а потом по списку. И пристыдите вы их, шесть мужиков в палату зайти боятся. И героя-любовника не забудьте. Гарик, если еще раз ты хоть пальцем прикоснешься к доктору...

– Да, понял я уже все, понял. Я пошутил, а вы тут целую историю раздули.

Врач и санитар вышли в коридор.

– Алиса, это судьба! – в самое ухо зашептал Гарик. – Просто всю жизнь мечтал больных из хирургии забирать. Кто бы знал, как я люблю хирургию.

– Хватит ерничать, и если еще раз назовешь меня по имени, пожалеешь, – повысила голос Алиса Викторовна.

– Все, понял. Я теперь буду вас называть правильно и торжественно: «Алиса из страны чудес».

– Только попробуй. Я тебе такие чудеса устрою. А где твоё полотенце?

– Отдыхает от трудов праведных. У мужика с черепушкой непонятки. Травматикам «сухой бром» противопоказан.

– И как же ты его забирать будешь? – подозрительно посмотрела на Гарика врач.

– А я не один, я с доктором. Как доктор скажет, так и сделаю.

– Я бы тебе сказала, кучерявый, но воспитание не позволяет, – поддела санитар Алиса. – Колпачок где от пустой головы? Ты в хирургию едешь.

– Во, блин, а вы правы. Фридман увидит меня без колпака – умрет. Поэтому я всегда ношу в кармане медицинскую шапочку, на всякий случай, но не надеваю, чтобы не портить прическу, а сейчас придется.

«Королева Красоты» из психбольницы

В хирургии атмосфера была накаленной до предела. Две санитарки стояли под дверями палаты с огнетушителями в руках. Из-за закрытой на ключ двери слышался мат и угрозы.

– Бить человека по лицу огнетушителем запрещает международная конвенция по защите прав ребенка, – сообщил санитаркам Гарик.

– А мы его бить не будем. Мы его пеной остановим, – объяснила одна из санитарок.

– Психушку вызывали? – широко открыв дверь ординаторской, спросил Барский.

Четыре хирурга с разных сторон тут же напали на санитаря.

– Пять часов психовозку ждем! – стал кричать на санитаря хирург Осипов.

– Так у нас машина с трех работает. Могли бы по «скорой» привезти. Делов-то, – огрызнулся Гарик.

– Да что вы с ним говорите, Иван Иванович. Это самый тупой студент нашего училища. Он мне кости черепа шесть раз сдавал, а острый живот за сегодняшнее издевательство вообще не сдаст. Слово даю, – пригрозил Сергей Моисеевич Фридман санитару. – Пять часов назад я сообщил вашему главврачу о том, что тут происходит. Я докладную в горздрав напишу.

– Давайте с больным разберемся сначала. Меня зовут Алиса Викторовна. Я врач-психиатр. Не могли бы вы рассказать, что тут произошло.

Хирурги, увидев красавицу-врача, тут же успокоились. Они усадили ее за стол, предложили кофе, шоколадные конфеты. Женщину буквально засыпали комплиментами. Гарик стоял в стороне и с улыбкой смотрел на хирургов, увивающихся за Алисой.

– Красота – страшная сила! – громко произнес он. – Может, делом займемся, а то у нас вызовов море. Алису Викторовну убийцы ждут и извращенцы. Она без них жить не может.

– Что ты тут комментируешь, – подлетел к Гарику Фридман. – Ты еще не понял, что с больным теперь и без тебя разберутся. Иди, отдыхай, лентяй. «Острый живот» учи. Я тебя спрошу завтра по всей форме.

– Да не вопрос. Отдохнуть, я всегда, с удовольствием, – буркнул под нос санитар и спустился вниз к машине.

– Я вам расскажу сейчас все об этом больном, – подкатился к Алисе Иван Иванович Осипов. – Это мой больной. Поступил он к нам с закрытой черепно-мозговой травмой. На третий день развился психоз. Появились слуховые галлюцинации. Бред преследования. Я вызвал невропатолога. У нас же к психиатрам без консультации невропатолога звонить нельзя. Они у нас белая кость. Невропатолог свое исключил, говорит, звони главврачу психбольницы. Пять часов назад позвонили первый раз. У нас операционный день сегодня, а мы не можем работать.

– Поговорить с больным сами не пробовали?

– Да как туда войти? Он стеклами вооружился. Невропатолог свое заключение по истории болезни писал.

– У нас в больнице тоже одни женщины работают, я санитару привезла, а вы его выгнали, но я попробую с ним поговорить, – улыбнулась Алиса.

– Погодите, Алиса Викторовна, – вмешался в разговор Фридман. – У нас все хирурги мужчины, а от санитары вашего никакого толку. Он пять раз зачет пересдавал по «острому животу». Что он тут сделает?

– Я все поняла, давайте двери открывать.

– Нет. Мы вас туда не пустим одну. Вы что думаете, если мы хирурги, то мы не мужчины? – приосанился Фридман. – Говорите, что делать.

– Если действовать по инструкции, то к такому больному подходить надо с четырех сторон, держа в вытянутых руках одеяла. Потом ему набрасывают на голову одеяло, кладут на кровать и делают уколы. Я назначила аминазин, четыре кубика внутримышечно.

– С четырех сторон не получится. Протиснуться в дверь с одеялами смогут только двое, но мы попробуем, – пообещал Фридман.

Первым в палату, прикрываясь одеялом, влетел Фридман. Вторым вошел Осипов, и замыкала делегацию Алиса Викторовна. В руках она держала блестящий молоточек для проверки рефлексов. Больной с двумя кусками стекла в руках стоял в дальнем углу, и когда к нему приблизился Фридман, несколько раз ударил стеклом в одеяло. Фридман закричал, бросил одеяло и выскочил из палаты, поливая кровью коридор. Оказалось, что больной перерезал ему вены предплечья. Вторым резанные раны рук получил Осипов. Алиса поле боя покинула последней. Ее попытка заговорить с больным чуть не стоила ей жизни. Больной с криком бросился за врачом, но был остановлен мощной струей из огнетушителя. Под огнетушитель попала и Алиса, но в отличие от больного пеной ей залили только грудь и шею.

Пока участники кровавой битвы приходили в себя, смывая пену и делая перевязки, о ЧП в хирургии сообщили в горздрав, а оттуда позвонили главврачу психбольницы.

– Алиса Викторовна, что у вас там происходит? – позвонив по телефону в ординаторскую, спросила Лариса Ивановна.

– Больного пытались нейтрализовать.

– Мне звонили из горздрава, сказали, что два доктора ранены.

– Больной порезал стеклом Осипова и Фридмана, – доложила Алиса Викторовна.

– А где наш санитар?

– Ушел. Его Фридман выгнал из ординаторской. Доктор Фридман ему хирургию преподает.

– С твоим Фридманом мне все ясно. Но я за больным послала санитаров психбольницы, объясни мне, что там хирурги делали? – закричала Лариса Ивановна.

– Инициативу проявили. Мне помочь хотели, – смутилась Алиса.

– Найди мне Гарика, я ему сейчас устрою.

– Его нет в отделение. Он ушел.

Минут через пять главврач больницы смогла дозвониться по рации до водителя машины.

– Где этот негодяй? – закричала Лариса Ивановна.

– На носилках лежит. Хирурги зубрит.

– Передай ему трубку немедленно.

Гарик не спеша перебрался в кабину водителя.

– Ты почему Алису Викторовну бросил в больнице?

– Меня Фридман прогнал. Они там кобеляж перед Алисой устроили, а меня на мороз. Мол, сами с усами. Я и ушел, – обиженным голосом, произнес Гарик.

– Я тебе устрою «кобеляж». Из-за тебя два ведущих хирурга получили тяжелые травмы. Кто теперь больных оперировать будет? Бегом наверх, заberi этого больного, и на глаза сегодня мне лучше не попадайся! Вопросы есть?

– Нет.

Гарик лениво потянулся и стал вылезать из машины.

– Как ты его возьмешь без полотенца? – спросил водитель.

– Голубоглазый, а ты женщин через полотенце мацаешь, или напрямую?

– Напрямую. Сравнил тоже, – удивился шофер.

– Вот и я на свидание с любимой женщиной решил идти с открытым забралом и голыми руками. У тебя чистый белый листок бумаги найдется?

– Нет. Газета есть, «Правда».

– Костя, твоя «Правда» для сортира хороша, а я картину хочу написать абстрактную в духе соцреализма.

– Тоже мне художник нашелся. Иди за психом, а то сейчас сюда Лариса прилетит. Тогда тут всем мало не покажется.

– Никакого в тебе, голубоглазый, романтизму нету. Сплошные угрозы и мат, а я, может, фотомодель охмурить хочу, – мечтательно произнес Гарик. – А теперь слушай мою команду. Машину подгони к входной двери. Дверь в дверь без зазора. Двигатель включи и жди явление Христа народу.

– погоди, а посетители в больницу, как пройдут, персонал.

– Не хрен им там лазить. Всех гони в шею. Спецоперация идет, понял? И чтоб в коридоре никого не было. Подвернется под руку кто-нибудь, убью!

Гарик не спеша поднялся на третий этаж, зашел в ординаторскую. За столом сидела Алиса и два хирурга с перевязанными руками.

– Господа-товарищи! Одолжите мне белый лист бумаги.

– Завещание писать собрался? – спросил Фридман, протягивая вырванный из тетрадки листок бумаги.

– Как же без завещания. Я, Фридман Сергей Моисеевич, находясь в полном здравии и при полной памяти, – продолжил Гарик.

– Ты у меня сейчас получишь, – поднялся из-за стола Фридман.

– Правильное решение, Сергей Моисеевич. Разгоните людей из коридора и этих монстров с огнетушителями уберите от дверей, а то они и меня пеной, как Алису Викторовну. А я не люблю пену, я нормальный.

– Гарик, ты что собрался делать? – поднялась из-за стола Алиса Викторовна.

– Ничего страшного. Вы не волнуйтесь. У вас хорошая мужская компания, пейте чай с шоколадными конфетами. Это ж такой дефицит. И где их хирурги покупают? А я уж сам как-нибудь. Только людей из коридора и с лестницы уберите, чтоб работы вам не прибавить. Всех, до единого.

Фридман выскочил в коридор, загнал больных в палаты, наорал на персонал и отправил в сестринскую санитарок с огнетушителями.

Гарик не спеша снял халат, положил его рядом с Алисой.

– Как этого психа зовут?

– Вадим, – быстро ответила Алиса. – Вадим Соловьев.

– У меня к вам большая просьба, Алиса Викторовна, поохраняйте сей предмет медицинской гордости, а то у нас без халата нынче нельзя. Не дай бог шапочка пропадет, со свету изживут злые монстры.

Сказав эти слова, Гарик подошел к двери палаты, тихонько повернув ключ, заорал диким голосом: «Я твой спаситель! Ты меня звал, и я здесь! Смотри! Смотри сюда!».

Гарик, размахивая листом бумаги, в два прыжка преодолел расстояние, которое отделяло его от больного.

– Вадим! Смотри сюда! Дом видишь!?! – ткнул пальцем в бумагу Гарик.

– Вижу, – пробормотал мужчина, поднимая вверх окровавленные руки с осколками стекла.

– А дым из трубы видишь?!

– Вижу.

– А за трубой кто стоит?

– Мужик прячется.

– Соловей, бежим! Это убийца! Быстрее! Не оглядывайся. У двери машина стоит! Не бойся! Нас пасут! Быстрее! Не останавливайся! Бежать! Вперед!

Алиса, хирурги и медсестры с ужасом смотрели на бегущих по коридору Гарика и вооруженного стеклами больного с окровавленными руками. На лестнице они сбили с ног какого-то старика-посетителя и сестру-хозяйку из травматологии.

– Не останавливаться! – орал Гарик. – Дорогу! Все ушли. По норам! Убью!

Добравшись до первого этажа, санитар затащил больного в машину. Хлопнул дверцей, и водитель, включив сирену, понесся в сторону психбольницы. В приемном покое санитар бросил больного на кушетку, отобрал у него стекла и с помощью санитарок стащил с него всю одежду. Тут же больному сделали успокаивающие уколы, обработали раны и отнесли в надзорную палату.

За всем этим со стороны наблюдала Лариса Ивановна. Когда Гарик спустился в приемный покой, она подошла к санитару и бросила сердито: «Зайди ко мне!».

– Это как понимать! – стала кричать главврач на санитару. – Я тебя послала за больным, а ты в хирургии кобеляж устроил.

– Я устроил, да эти кобели хирурги меня сразу и выгнали из ординаторской, как Алису увидели. Претензии к Фридману. Он Алисе кофий наливал с шоколадными конфетами. Могли б и меня, передовика производства, чашкой кофе осчастливить.

– Кофе хочешь?

– Чем я хуже Алисы.

Лариса Ивановна включила электрочайник.

– Как ты его из палаты вытащил? – успокаиваясь, спросила она.

– У него зрительные галлюцинации. Я ему на бумаге показал дом и мужика, который прячется за трубой, после чего мы побежали. Классика жанра и никакого гипноза.

– За находчивость, благодарность, а за издевательство над хирургами – смертный приговор.

– Я тут при чем. Они Алису увидели, и стали суперменов из себя корчить. Ну и наравались толстопузые.

– Фридман-то нормальный мужик. Это у Осипова пивной животик, – возразила Лариса Ивановна, разливая по чашкам кофе.

– Ага, нормальный, он меня черепом сначала убивал, а теперь «острым животом». Жаль, что этот псих ему по морде не съездил стеклом за мои страдания.

– Зато ты на черепе каждый бугорок по латыни назвать можешь. А у Фридмана серьезная рана на предплечье и Осипов работать не сможет неделю. До тебя хоть доходит, что мы хирургию без хирургов оставили.

– Сами виноваты, нечего было на чужую бабу пялиться.

– Скажи, мне Гарик, а что ты от Алисы Викторовны хочешь. Она замужняя женщина, врач.

– Ничего я от нее не хочу. Не люблю, когда мною бабы командуют, вот и опустил я ее два раза.

– Я тоже женщина и тобой командую.

– Алиса ж молодая.

– А я, значит, старая, и мне можно тобой командовать, – обиделась Лариса Ивановна.

– Я не говорил, что старая. Опытная.

– Получается, что ты меня как женщину не воспринимаешь. И целоваться ко мне по этой причине не лезешь. А я, в отличие от Алисы Викторовны, в третий раз не замужем. Может, попробуешь?

– Что мне пробовать. Вы не женщина. Вы главврач. Вам положено орать на всех, а Алиса тут кто. Ничего не знает, а туда же.

– Я почему этот разговор с тобой завела. У Алисы Викторовны муж ревнивый, и я бы не хотела скандалов на этой почве.

– А вы его в дурку положите. У нас тут каждый второй с бредом ревности лежит.

– Я так поняла, что ты будешь и дальше преследовать Алису Викторовну. Так вот, я открою тебе одну тайну. Женщине в двадцать четыре года восемнадцатилетний пацан просто не интересен, как мужчина. Тебе надо сверстницу найти или женщину постарше. Им нравятся физически крепкие мальчики.

– Я учту ваши пожелания. Но на старушек меня пока не тянет. Может, лет через десять я и положу на кого-нибудь глаз, но не сейчас. И дальше, что делать?

– К королеве Марго вези Алису. Пусть посмотрит, к чему может привести любовь к мальчикам.

Жестокая расплата за запретную любовь

Костя сидел в машине и доедал караимский пирожок.

– Ну, что, вставила тебе Лариса? – спросил водитель.

– Обещала медалью наградить за спасение Фридмана на пожаре.

– Фридман за сегодняшнее представление вообще зачет тебе не поставит.

– Поставит. Мне этот «острый живот» уже во сне снится вместе с Фридманом.

– Едем куда?

– Сначала за Алисой. Она нас у входа в больницу ждет, а потом к королеве Марго.

– А Марго тут при чем?

– Социально опасная. У нее судимость за развращение малолеток.

– Тоже мне, социально опасную нашли: баба, как баба, – возмутился водитель.

– погоди, а чего ты тогда машину остановил, когда она ко мне приставать начала?

– Если б она ко мне приставала, я бы не останавливал, а ты молод еще для таких баб. Подрости сначала. Что ты ей дать можешь?

– Скажи мне, женатик со стажем, а чем отличается баба в двадцать четыре года от той, которой сорок пять? – спросил Гарик.

– Ты про Матросова читал?

– Конечно. Герой войны, амбразуру фашистского дота грудью закрыл.

– Так и баба в сорок пять. Она на мужика, как в последний раз на амбразуру ложится. И ей мужик нужен сильный и здоровый, который может с такой бабой всю ночь. А в двадцать четыре – и ботаник одноразовый сойдет. У нее еще потребность в мужике не созрела.

– А я думал, чем старше баба, тем ей меньше хочется.

– Мыслитель. Матчасть изучать надо не по книгам, а на практике. А вот и Алиса твоя стоит на остановке, забирай.

– Почему моя?

– А то не видно, что она на тебя глаз положила. Ты ж на ее глазах мужика с топором голыми руками завалил, а у нее муж ботаник-подкаблучник. Вот поверь моему слову, она бросит его.

Алиса села рядом с водителем. Передала Гарику его халат и сообщила:

– Лариса Ивановна сказала, чтобы мы посетили королеву Марго. Но у меня нет ее карточки.

– Карточка не нужна. Она сама все расскажет, – махнул рукой Гарик. – Не слышу восторгов.

– Два дурака неслись по лестнице, старика чуть не убили. Его еле откачали, – нахмурилась Алиса.

– Опять я виноват. Я же Фридману сказал, чтоб дорогу освободил, – возмутился Гарик.

– Так никому и в голову прийти не могло, что ты там устроишь? Я думала, что ты стекла отберешь у больного и свяжешь его.

– Бритвы и стекла я из рук больных не выбиваю. Не мой профиль.

– Почему?

– Личико могут порезать. Я видел в Симферополе санитаров, которые на бритву шли. Все лицо в шрамах. Женщины целовать не будут.

– Мне кажется, ты не прав. Мужчину шрамы украшают.

– Алиса, тогда с тебя поцелуй. У меня рубаха в крови.

– Больной тебя порезал в машине? – с тревогой спросила Алиса.

– Нет. На мне кровь моего врага, кровь Фридмана.

– На мне тоже. Ему же вену больной перерезал. И напрасно ты на него буром идешь. Фридман нормальный мужик, классный хирург, а зато, что он из тебя душу выматывает за «острый живот» и внутренние кровотечения, – потом благодарить будешь. Пропустил «острый живот» – похороны. Ты же не хочешь людей убивать?

– Не хочу.

– Тогда зубри симптомы «острого живота».

– Что делается. Любимую женщину Фридман за полчаса перевербовал чашкой кофе и шоколадными конфетами «Белочка». Он теперь хороший, а я тупой студент. Костя, пойду утоплюсь. Ты был прав. Не любит она меня, а тут еще и Лариса выговором грозит за всенародный подвиг.

– А ты как думал. Женщинам умные мужчины нравятся. Кулаками махать – много ума не надо, – улыбнулась Алиса.

– Приехали, – прервал разговор Костя. – Марго на третьем этаже живет.

Гарик помог выбраться из машины доктору, а когда они вошли в подъезд, Алиса вдруг прильнула к нему и шепнула: «Ты молодец. Я удивлена. Хирурги были в шоке. Только не надо в присутствии посторонних ко мне приставать. Я не хочу, чтоб о твоих шутках докладывали моему мужу».

– Не вопрос, – проговорил Гарик, коснувшись ее губ. – Больше не буду тебя подкалывать.

Марго в коротеньком халатике колдовала на кухне. На вид ей было далеко за сорок. Толстые стройные ноги, узкая талия и огромные груди выдавали в ней топ-модель тридцатилетней давности. Она оценивающе посмотрела на санитару.

– Не жалеешь?

– О чем? – напрягся Гарик, внимательно наблюдая за руками больной.

– Чего испугался? Насиловать не буду, – расплылась в улыбке женщина. – В машине хотела вас двух дураков приласкать, а они вместо того, чтобы получить удовольствие, связали меня как террористку. Я когда санитарам в приемном покое рассказала, как вы от меня защищались, мужики ржали. А теперь за руками следит. Боится, чтоб я его сковородкой горячей не огрела по башке. Свидетельницу привел.

– Я не свидетельница, я участковый врач-психиатр. Вы будете у меня наблюдаться.

– Хочешь меня вылечить от любви, – громко расхохоталась Марго. – Ты на себя посмотри. Поди, тоже с модельного бизнеса начинала, врач-психиатр! Какой из тебя психиатр с такой фигурой. Мужики-психи будут кидаться на тебя как на бабу, а больные бабы возненавидят красотку за красоту, потому что санитары и фельдшера теперь не на них, а на тебя будут пялиться. Вон, смотри, как у кучерявого глазки горят, когда на тебя смотрит. Заходи в комнату, спрашивай. Я правду говорю, потому что у меня справка есть, а все остальные врут тебе в глаза. И Ларису бойся, себе на уме баба. Она тоже красивых баб ненавидит. Меня в дурку упрятала за красоту и страсть.

Алиса с Гариком вошли в комнату вслед за Марго. В комнате был идеальный порядок. Ни соринки.

– Одна живу, – пояснила женщина. – Так что тебя интересует?

– Как вы попали на учет? Что с вами случилось?

– Я в Москве жила. Учительницей в школе работала. Муж был никакой. Деньги приносил домой, спали вместе, вначале меня все устраивало, а потом почувствовала тягу к пацанам шестнадцатилетним. Урок преподавать захотелось. Стать первой учительницей в этом деле. Для себя выучить. Но в Москве я подобные желания отметала, а когда поехала на курорт, решила попробовать то, что ночами во сне видела. На пляже выбрала 16-летнего пацаненка-южанина. Домой привела. Вином угостила. Потом оказался он в моей постели. Сам приставать стал. Я ж учительница, знаю, как свои желания в желания учеников превратить. На первых порах от этой любви одна головная боль оставалась, после него приходилось снимать стресс с местными музыкантами. А потом смотрю, и у моего ученика что-то получаться стало. А на 21—й

день у нас такая любовь случилась, что я сама чуть с ума не сошла, а уж про пацана и говорить не буду. У него до конца жизни такой любви не будет. Вот с этого все и началось. Я поняла, что мне от этих мальчиков надо, и учила их тому, чего больше всего сама хотела.

– А на учет как попали?

– Пока на курортах гуляла, все было тип-топ. А однажды москвича привела к себе 16-летнего. Короче, узнала его мамаша, к кому он в гости ходит. Пацана в милицию на учет, а меня в дурдом на лечение.

– Судимость за что?

– Тогда и осудили за этого пацана к принудиловке. В СССР же секса не было никогда. Натихаря, что угодно, но стоило засветиться где-нибудь, тут же туши свет.

– А сейчас не тянет с мальчиками повторить свой прошлый опыт?

– Это вопрос или предложение?

– Вопрос, – улыбнулась Алиса.

– Если честно, и сейчас хочу с твоим телохранителем переспать. Отдашь в аренду на ночь?

– Гарик же не хочет.

– Боишься. И правильно делаешь. После меня мужики своих баб бросают. Я такие привороты знаю. Объявления на столбах видела: «Потомственная ведьма Марго. Стопроцентный приворот»? Это моя реклама. Но для жизни мне сейчас крепкий, настоящий мужик нужен. Пацаны таким как ты интересны. А в сорок пять настоящий мужик нужен, который способен бабу всю ночь гонять по кровати. Так что с учета снимай из-за смены ориентации. А вот он подходит. Руку так крутанул, до сих пор болит. С виду дохляк, но как вцепится, не оторвешь. То, что мне нужно сегодня. И там у него все в порядке. Я проверяла, когда они мне в машине руки крутили. Мой размер.

– Марго. При молодом человеке такие слова. Он же мальчик не целованный.

– Так я тебе и поверила, не целованный. Честно признайся, положила глаз на кучерявого?

– Марго, у меня муж молодой, зачем мне коллега по работе?!

– Не зарекайся, докторша, не зарекайся. Тебя от этой любви одни беды ждут. А я бы его научила всему. Может, оставишь на одну ночь?

– Нет! Самой пригодится, – улыбнулась Алиса. – Вы скажите спасибо, что я вас дома оставила после таких слов.

Алиса попрощалась с Марго и, подхватив в подъезде под руку Гарика, шепнула ему: «А ты, оказывается, повышенным спросом у старых шизофреничек пользуешься».

– Тут и не такое услышишь, – смутился Гарик. – Врет она все.

– Скажи, а зачем нас Лариса сюда послала? Марго по ошибке на спецучете стоит. Она уже давно ни для кого никакой опасности не представляет. Может, она ревнует тебя ко мне?

– Сказанула. Лариса же старуха.

– Да не такая уж она и старуха. Ей еще и сорока нет, и она уже год без мужа.

– Если бы Лариса хотела чего-то такого, давно бы меня пригласила к себе, а она только орет за каждую мелочь. Хирургам псих руки порезал, а я виноват. Новая докторша пристает ко мне – я виноват.

– Я тебе за такие слова язык вырву. И близко теперь ко мне не подходи.

– Я б и рад, но у нас клиент шибко нервный. Инженером в НИИ работал. Что-то там открыл сверхсекретное, а потом свихнулся. Бабу свою приревновал к милиционеру и убил топором. Потом с этим топором к участковому заявился. Кастрировать хотел, но не смог. Успел только руку отрубить. Все остальное при нем осталось.

– Этого придурка ты выбрал из списка? – напряглась Алиса.

– Нет. Лариса. К нему медсестры не ходят. Боятся, чтобы он и им чего-нибудь не отрубил.

– Тебе не кажется странным этот подбор больных в один день. Баба-педофилка, муж-убийца ревнивец, – пристально посмотрела на Гарика Алиса.

– Ты к этому списку еще и кобелей из хирургии приплюсуй. Ларисе они кофе ни разу не наливали, а тебя еще и шоколадными конфетами угостили. Чувствуешь разницу?

– Я не думала, что из-за какого-то санитаря у меня будут такие проблемы на работе.

– Это только начало, а дальше Лариса тебя задушит на почве ревности. Она не перенесет два наших поцелуя, – поддел женщину Гарик. Они остановились в подъезде на первом этаже, и Гарик бесцеремонно схватил Алису за плечи, прижал к груди и поцеловал. Алиса не сопротивлялась. Ей было приятно чувствовать на себе сильные руки восемнадцатилетнего парня.

– Мне нравится, как ты целуешься, – отстранившись от Гарика, тихо произнесла женщина. – Только ты ни на что не рассчитывай. Продолжения не будет.

– Будет, – возразил Гарик. Все будет. Я настырный и всегда добиваюсь того, что хочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.